

А. И. Доватур
ФЕОГНИД И МЕГАРЫ

НАШЕЙ ближайшей задачей является рассмотрение тех стихов Феогнида, где речь идет о военных действиях. Имеются ли у нас неоспоримые доказательства участия Феогнида в гражданской войне на родине? Политическая борьба несомненно увлекала Феогнида, в ней он в той или иной форме участвовал. Но политическая борьба — одно, гражданская война — другое. Ответ на поставленный вопрос можно получить только в результате рассмотрения соответствующего материала. Если собрать все стихи Феогнида, относящиеся к войне, военным действиям, ожиданиям военных действий, то прежде всего приходится убедиться в том, что некоторые из них явно относятся к военным действиям, происходившим вне Мегариды. Погиб Керинф, опустошается плодородная, богатая виноградом равнина Леланта, добрые бегут, дурные правят городом (891—894); только с огромной натяжкой можно было бы усмотреть здесь какое-то отношение к мегарским событиям, да и к биографии поэта. Помимо признаний поэта о том, что он был в изгнании (например, 783—788, ср. 879—884, 1197—1202), мы имеем также его стихотворение, свидетельствующее об его участии в войне не за родную землю: «не слишком прислушивайся к громко кричащему глашатаю, ведь мы сражаемся не за отеческую землю — οὐ γὰρ πατριδὸς γῆς περὶ μὶχρήμεδ'α — однако поворно, сев на быстроногих коней, не видеть многослезную войну» (887—890)¹. Поэт молит Феба об отвращении персидской опасности от родного города (773—782, ср. 758—767). Он выражает глубокое уважение бойцу, защитнику родины (865—868, 1005—1006), и в то же время высказывает свою нелюбовь к войне — государству нужны мир и богатство (885—886). В военной обстановке возникли некоторые другие стихотворения Феогнида. «Беззвучный вестник будит многослезную войну, являясь с далеко видной вышки»². Но набрось узду на быстроногих коней, ведь мне кажется, что они столкнутся с враждебными мужами. Промежуточное пространство невелико, они³ быстро проделают путь, если только боги не обманыва-

¹ Следует присоединиться к тем (Diehl, Garzya в изданиях), кто в противоположность ван Гронингену (Théognis, Le premier livre édité avec un commentaire B. A. van Groningen, Amsterdam, 1966; Verhandelingen der K. Nederlandse Akademie van Wetenschappen, Afd. Letterkunde, N. R., Deel LXXII, № 1 (ad loc., стр. 327) признает единство этого четверостишия и не разбивает его на два двустишия. πηρεόντα и ἐπιβάντα он связывает с подразумеваемым τινι, а не с πόλεμον.

² τηλὺντος — «далеко видной» или «далеко видящей» (так van Groningen, ad loc., стр. 217 сл.; так же Garzya).

³ «Враги» или, скорее, «наши кони». Первое объяснение предпочитает A. Garzya, Note a Theognide, «Emerita», XXV, 1957, стр. 213.

ют мой ум» (549—554). По поводу этих стихов были высказаны разные предположения. Одни думали о каком-то эпизоде времен персидского нашествия, другие о войне с Афинами, некоторые о войне с Коринфом, — наконец, и о гражданской войне ⁴. В сущности картина, рисуемая Феогнидом, подходит к разнообразным ситуациям и не требует обязательного приурочения к гражданской войне. Зато с большой уверенностью можно связать с внешней войной или, точнее, с ее последствиями другое стихотворение Феогнида. Поэт укоряет сограждан: они считают возможным петь под аккомпанемент флейты при очень скорбных обстоятельствах «страна гибнет, с городской площади уже видны границы земли» — γῆς δ' οὖρος φαίνεται ἐξ ἀγορῆς (825—830). Самая естественная интерпретация стихов: поэт говорит об уменьшении территории государства в результате войн или войны (которая уже закончилась); благоденствующая страна ⁵ гибнет, так как часть ее отошла к врагам; границы государства видны с городской площади. Последнее было, конечно, преувеличением ⁶, но речь идет, бесспорно, о значительном сокращении мегарских владений. Нам известно, что целая треть первоначальной мегарской территории была в процессе ряда войн завоевана Коринфом ⁷. Вероятнее всего, Феогнид имеет в виду именно утрату Мегарами заметной части своих владений. О внешней опасности, угрозе для города быть завоеванным, говорится в одном из двухстиший — ...ἐπιπρέπει ἡμῖν... ὡς πᾶντο πόλει ... ἀλωσομένην (235—236). Предостережение поэта своим согражданам — «магнетов погубили такие дела и наглость, какие теперь царят в этом священном городе» (603—604) — согласно своему прямому смыслу настораживает против внешних врагов (ведь Магnezия была разрушена киммерийцами около 660 г. до н. э. ⁸). Отнятие у Феогнида его достояния — τ' ἀλλὰ ἔχουσι βία σολήσαντες (346) — могло произойти в форме конфискации; слова βία σολήσαντες отражают субъективное мнение поэта об этом акте. Призыв со смехом и под звуки флейты пировать у плачущего (врага), наслаждаясь его горестями (1041—1042) ⁹, мог бы прозвучать не только во время гражданской войны, но и во время войны с внешними врагами и даже во время военных действий на чужбине, в которых поэт участвовал как наемный или добровольный соратник. В тревожные времена было создано стихотворение с призывом спокойно спать, так как об охране родного города позаботится стража (1043—1044): не исключена, по-видимому, возможность нападения внешнего врага. Обзор, сделанный нами, приводит к заключению о том, что в поэзии Феогнида нет убедительных доказательств его участия в гражданской войне на его родине ¹⁰. Характерно, что в стихотворениях Феогнида на военные темы нигде не видно следов презрения к противнику как к классовому антагонисту (κακός).

⁴ См. van Groningen, ad loc., стр. 218 сл.

⁵ Некоторые (van Groningen, ad loc., стр. 318) толкуют слово χῶρος в смысле «земельное владение», «имение» (т. е. имения знати).

⁶ ван Гронинген (van Groningen, ad loc.) справедливо замечает, что городская площадь находилась в середине города и была окружена зданиями, а потому, находясь на ней, нельзя было видеть границ государства, как бы близко они ни подошли к городским стенам.

⁷ E. Meyer, RE, s. v. Μέγαρα(2), Bd. XV, 1932, стб. 186 сл.: мегарские утраты датируются VI веком до н. э.

⁸ van Groningen, ad loc., стр. 240.

⁹ Отметим как курьез одно из толкований этих стихов, которое, по мнению ван Гронингена (van Groningen, ad loc., стр. 388), также не исключено: компания путешественников явилась пировать к удрученному (любимыми?) горестями товарищу.

¹⁰ Неосторожно говорит Боура о том, что Феогнид готовил Кириа к гражданской войне («скорее к гражданской, нежели к внешней войне»), — C. M. Bowra, Early Greek Elegists (Martin Classical Lectures, VII), Cambr. Mass., 1938, стр. 145.

Исторические свидетельства, которые помогли бы нам заглянуть во внутреннюю историю Мегарского государства, очень немногочисленны. В серии Политий, написанных Аристотелем и, вероятно, отчасти его учениками под непосредственным руководством учителя, имелась Мегарская Полития, один фрагмент которой (fr. 500, Rose³) дошел до нас; речь в нем идет о том, что лелеги (позднее они назывались локрами) занимали когда-то и Беотию. Некоторые сведения о более поздней истории Мегар имеются в «Политике» Аристотеля. В этом трактате имеются три свидетельства, относящиеся к одному и тому же событию — упразднению демократии и установлению олигархии. В одном месте Аристотель говорит, что выбор должностных лиц может производиться либо из всех граждан, либо из ограниченного круга, например — на основании имущественного ценза, родовитости, доблести или чего-нибудь другого в таком роде. Так, в Мегарах на должности попадали люди из числа тех, кто возвратился (из изгнания) вместе с участниками войны против демократии — ὥσπερ ἐν Μεγάροις ἐκ τῶν συγκατελθόντων καὶ συμμαχισαμένων πρὸς τὸν δῆμον (IV, 12, 10, 1300a, 17 слл.).

В другом месте Аристотель рассуждает о причинах упразднения того или иного государственного строя, в частности — демократического — под напором людей состоятельных, которые прониклись презрением к беспорядку и безвластию. Примеры взяты из истории Фив, Мегар, Сиракуз, Родоса. В частности, о Мегарах сказано: «И демократия мегарян пала, так как они были побеждены по причине беспорядка» — καὶ ἡ Μεγαρέων (scil. δημοκρατία διεφθάρη) δι' ἀταξίαν καὶ ἀνυχρίαν ἡττηθέντων (V, 2, 6, 1302b, 30 сл.). Более подробно, хотя все же очень сжато, о том же событии говорится в третьем месте: «Почти так же была упразднена демократия в Мегарах; ведь демагоги, чтобы иметь возможность конфисковать имущество, изгнали многих из видных лиц, пока, наконец, изгнанников не стало много и те, возвратившись, победили в битве народ и установили олигархию» — παρὰ πλεσίως δὲ καὶ ἡ ἐν Μεγάροις κατελύθη δημοκρατία οἱ γὰρ δημαγωγοὶ ἴνα χρήματα ἔχωσι δημεύειν ἐξέβαλον πολλοὺς τῶν γνωρίμων, ἕως πολλοὺς ἐποίησαν τοὺς φεύγοντας, οἱ δὲ κατιόντες ἐνίκησαν μαχόμενοι τὸν δῆμον καὶ κατέστησαν τὴν ὀλιγαρχίαν (V, 4, 3, 1304b, 34 слл.)¹¹.

Есть ли основание относить известия Аристотеля ко времени Феогнида? Не содержится ли в «Политике» указания на победу поэта и его единомышленников и установление желательного им образа правления? Первая мысль, возникающая при размышлении о времени олигархического переворота в Мегарах — воспользоваться порядком перечисления событий во втором из приведенных выше мест (V, 2, 6, 1302b, 25 слл.). События перечисляются в следующем порядке: поражение демократии в Фивах после битвы при Энофитах, затем — в Мегарах, далее — в Сиракузах перед тиранией Гелона, на Родосе — перед восстанием (πρὸ τῆς ἐπανστασεως). Битва при Энофитах произошла в 456 г. до н. э., события в Сиракузах — до 484 г., переворот на Родосе относится к 390 г. до н. э. или

¹¹ Сообщение Аристотеля в «Политике» о мегарском тиране Феагене (V, 4, 5, 1305a, 24 слл.) здесь можно оставить в стороне как относящееся к слишком раннему для Феогнида времени (VII, в. до н. э.). Одно время все свидетельства «Политики» (включая и место о тиране Феагене) относили ко временам Феогнида; см., например, E. Hilgert, Zu Theognis, «Jahrbücher für Philologie und Paedagogik», CXXIII, 1881 (Jahrbücher für classische Philologie, Fleckeisen, XXVII, 1881), стр. 458. Показания Плутарха (Quaestiones Graecae, 18) о том, что мегаряне, свергнув тирана Феагена, недолгое время управлялись благоразумно (олигархия?), а затем поддались влиянию демагогов (следуют подробности), в первой своей части (Феаген, олигархия) хронологически не совпадают с временем жизни Феогнида, во второй же части могли бы иметь какое-то отношение к Феогниду, если бы дело шло о продолжительном состоянии.

391 г. до н. э. (Diod. XIV, 97)¹². Такой переход от позднего события к более раннему, а затем к наиболее позднему не дает никакой опоры для датировки события из мегарской истории.

Второе обстоятельство, требующее внимания, — употребление Аристотелем слова (типа термина) *γνώριμοι* (V, 4, 3, 1304b, 37); эти *γνώριμοι* противопоставляются демосу. В упомянутом выше месте (V, 2, 6, 1302b, 28) противниками демократии являются *οἱ εὔποροι* — люди состоятельные, как и в том месте «Политики», где имеются в виду события, связанные с тираном Феагеном (V, 4, 5, 1305a, 25), жившим задолго до Феогнида.

Слишком широкое значение слов *γνώριμοι* и *εὔποροι* не дает возможности с уверенностью приурочить политическую борьбу обозначенных этими словами социальных слоев ко времени Феогнида. В самом деле, *γνώριμοι*, по мнению Аристотеля, выраженному в «Политике», — это все те, кто в каком-либо отношении возвышается над народной массой. Аристотель говорит: *τῶν δὲ γνώριμων (scil. εἶδη ἔστιν) πλοῦτος, εὐγένεια, ἀρετὴ, παιδεία καὶ τὰ τοῦτοις λεγόμενα κατὰ τὴν αὐτὴν διαφορὰν* (IV, 4, 1, 1291b, 28 сл.). *Γνώριμοι* не представляют собой чего-либо однородного. Разновидности их обусловлены богатством, благородством происхождения, доблестью, образованностью и тому подобными признаками. Словом *γνώριμοι* Аристотель не раз пользуется в Афинской Политии. Так названы противники демоса во времена Солона (2, 1; 5, 1; 11, 2 — два раза; 28, 2), Писистрата и Писистратидов (16, 9; 28, 2), Мильтиада (28, 5) накануне установления власти Тридцати (34, 3). Иначе говоря, для любой эпохи Аристотель имел наготове слово *γνώριμοι* для обозначения тех, кто противостоял демосу, выделялся из него¹³. Специфического отношения к эпохе, когда жил Феогнид, в этом слове усмотреть нельзя. Что же касается слова *εὔποροι*, то оно имеет применительно к Феогниду то неудобство, что предполагает совместные действия «состоятельных» против демоса, т. е. ту ситуацию, против которой всю жизнь протестовал поэт, не признававший своими тех, кто обладал богатствами без качеств, какие казались ему более существенными.

Наконец, свое сообщение о возвращении изгнанников и водворении олигархии Аристотель заканчивает таким образом: *κατέστησαν τὴν олигарχίαν* (V, 4, 3, 1304b, 39). Артикль при слове «олигархия» хорошо засвидетельствован рукописями. Так можно было сказать о достаточно известной олигархии, а этим подсказывается мысль, что речь идет о временах, близких или относительно близких ко времени написания «Политики», во всяком случае — о конце V или о IV веке.

Известие Фукидида о том, что в 424 г. в Мегарах произошел переворот, после которого надолго утвердилась олигархия (Thuc., IV, 74), содержит подробности, на первый взгляд сходные с теми, какие дает Аристотель, — возвращение изгнанников, занятие ими должностей. Однако у Фукидида отсутствует один существенный момент: победа на поле битвы над демосом. В 424 г. изгнанники вернулись в результате ухода Брасида со спартанцами в Коринф, а афинян, за которыми последовали их мегарские сторонники, — в Аттику. Таким образом, приходится думать, что переворот, о котором пишет Аристотель, произошел скорее в IV в. на памяти Аристотеля или его старших современников¹⁴.

¹² Hiller v. Gärtringen, RE, s. v. Rhodos, Supplbd. V, 1931, стб. 774; G. Glotz, Histoire grecque, III, P., 1936, стр. 94.

¹³ См. А. Доватур, Социальная и политическая терминология в Афинской Политии Аристотеля, ВДИ, 1958, № 3, стр. 70 сл.

¹⁴ Затрудняется датировать этот переворот концом VII — началом VI в. до н. э. Е. Мейер (ук. соч., стб. 185). Однако и в одной сравнительно близкой нашему времени

Как видим, положительных данных о вооруженной борьбе среди мегарского гражданства, которую можно было бы с уверенностью отнести ко времени жизни Феогнида, мы не имеем. Изгнание и конфискация имущества, которым подвергся поэт, не являются аргументом в пользу предположения о таком военном столкновении. Ведь изгнание в греческих полисах было обычной мерой, применявшейся победителями к побежденным в чисто политической борьбе.

Общий тон поэзии Феогнида, как это и естественно для поэта, социальные идеалы которого идут вразрез с исторической реальностью его времени, — пессимистический. Характерны в этом отношении, кроме некоторых рассмотренных выше стихотворений, четверостишие о том, что беды добрых выгодны для дурных, которые управляют при помощи чудовищных законов; стыд погиб, бесстыдство и наглость, одержав верх над справедливостью, охватили всю землю (289—292). В другом стихотворении поэт жалуется на граждан: он не может понять их образа мыслей, и поступая хорошо, и поступая дурно, он не в состоянии угодить им; многие — как дурные, так и честные — бранят его, но подражать ему никто из неразумных не способен (367—370).

Резюмируем все сказанное выше. Феогнид живет в ту пору, когда борьба аристократов в Мегарах за свое безраздельное господство уже закончилась не в ее пользу. Ей пришлось поступиться своими правами в том смысле, что она поделилась ими с верхами своих противников, с богатым слоем выходцев из народа. Процесс объединения следует представлять себе не только в виде политического союза, но и в форме многочисленных брачных союзов, а следовательно, и возникновения кровного родства. Появился, в сущности, новый высший слой общества, характеризовавшийся признаком богатства. Деление на знатных и незнатных, конечно, еще не антиквированное, отходит на второй план. Меньшинство аристократов, вероятно, главным образом из небогатых или прямо бедных, продолжало оставаться на прежних позициях, упорствуя в непризнании совершившихся фактов. Для них и для Феогнида, который был выразителем извозвратившихся, старое деление сохранило свою силу. «Дурные» в их глазах не только те бедняки, которые получили права гражданства, а недавно еще не знали ни судов, ни законов (54—56), но и те богачи незнатного происхождения, с которыми не гнушались вступать в родство некоторые «добрые». Можно думать, что в Мегарах далеко зашел процесс, результаты которого впоследствии наблюдаются в Афинах. Эти результаты без всякой скорби и без всякой злобы констатирует около 424 г. до н. э. олигарх, противник афинской демократии, автор Псевдо-Ксенофоновой Афинской Политии. Для него демаркационная линия, отделяющая любезных его сердцу представителей «хорошего» общества от их социальных антагонистов, проходит не там, где ее проводит Феогнид. Афинский олигарх противопоставляет *πονηροί* — *ῥοῦστοί* (1, 1); в этом нет явного расхождения с Феогнидом. Но дальше противопоставляются *οἱ πένητες καὶ ὁ δῆμος* — *οἱ γέννητοι καὶ οἱ πλοῦστοι* (1, 2), т. е. с одной стороны, бедняки и демос, с другой, родовитые и богатые. Две группы — *οἱ γέννητοι* и *οἱ πλοῦστοι* — не отождествляются одна с другой (артикул поставлен перед обоими обозначениями), но объединяются и вместе противостоят беднякам и демосу. В дальнейшем встречаем противопоставление *πλοῦστοι* — *δῆμος* (2, 10). Ниже, говоря о комедии, автор этой Афинской Политии замечает, что осмеянию в ней подвергаются по большей части не люди из народа и народной массы — *οὐχὶ τοῦ*

работе показания «Политики» Аристотеля считаются относящимися к эпохе Феогнида (по мнению автора, — первая половина VI в. до н. э.) — A. A. T r e v e r, *The Intimate Relation between Economic and Political Conditions in History, as Illustrated in Ancient Megara*, «Classical Philology», XX, 1925, стр. 127.

δῆμον... οὐδὲ τοῦ πλῆθους и лишь изредка немногие из бедных и принадлежащих к народу — ὀλίγοι δὲ τινες τῶν πενήτων καὶ τῶν δημοτικῶν, а главным образом человек богатый или родовитый или могущественный — ἡ πλοῦσιος ἡ γεννητὸς ἡ δυνάμενος (2, 18). Опять богатые и знатные не оказываются чем-то единым, но составляют одно целое, противостоящее народной массе. В Афинах второй половины V в. тесная связь (в сфере интересов и быта) между богачами и знатью (последние также могли быть богатыми) была реальным фактом, она спокойно констатируется и не вызывает никакого протеста у человека, не менее враждебно относившегося к простому народу, чем Феогнид.

Мегарский поэт рисует нам мегарское общество в своеобразном освещении, не дающем нам представления о подлинном соотношении сил в этом обществе. Генеральный бой между аристократией и ее противниками из народа (богатыми и бедными) произошел в прошлом. Результатом было то положение, какое застал на своей родине поэт: формируется новый господствующий слой путем смешения победителей и побежденных, вернее — отдельных частей тех и других. Феогнид и его единомышленники борются в сущности против совершившегося факта. Их социально-политические идеалы можно сравнить с идеалами афинян Ликурга и Исагора, но едва ли даже с идеалами Кимона, не говоря уже об идеалах Фукидида из Алопеки или Псевдо-Ксенофонта. Не встречая поддержки ни со стороны широких демократических кругов, ни со стороны добившихся господствующего положения разбогатевших выходцев из народа, ни со стороны знатных людей, сохранивших свой ранг при новых порядках, мегарские ультра кричат об измене (οἱ μὲν φίλοι προδίδουσι — 575). Им кажется, что победа была возможна и близка, но по каким-то причинам, возможно, из-за той же измены, она не состоялась¹⁵. Это чувство разочарования, скорбь о неосуществившемся торжестве Феогнид выразил в стихах, подводящих безрадостные итоги его политической деятельности.

«Сделав, я не сделал и не закончил, закончив;
совершив, не совершил и достигнул, не достигнув»
(953—954)

Осталось сказать несколько слов о некоторых признаках эволюции взглядов Феогнида. Речь будет идти не о вполне понятных у всякого, особенно у поэта, колебаниях настроения под влиянием каких-либо (обычно нам неизвестных) причин. Противоречия, связанные с такими колебаниями, нетрудно заметить. То поэт ликует, грабя достоинство побежденного врага (1041—1042), то заявляет о своем отказе когда бы ни было радоваться чужому несчастью (1217—1218), то он пытается активно вмешиваться в политику (*passim*), то рекомендует нечто близкое к политическому индифферентизму (219—220, 331—332)¹⁶, то он укоряет сограждан, предающихся веселью (825—830), то сам проявляет склонность к наслаждению (531—532, 944—945, 1046—1047), то он жалуется на отсутствие друзей и товарищей у изгнанника (209—210), то сам советует другу не расточать дружеских чувств изгнаннику (329—330)¹⁷. Гораздо существеннее некоторые признаки изменений во взглядах в другой области. Феогнид твердо верил в правильность традиционного деления людей на благородных и неблагородных, родовитых и неродовитых, с соответствующим распреде-

¹⁵ При всем различии высказываемых нами и Хайбаргером (E. L. Highberger, *The History and Civilization of Ancient Megara*, Baltimore, 1927, стр. 142 сл.) взглядов общим является признание того, что поэтическая деятельность Феогнида вовсе не протекала в пору господства радикальной демократии.

¹⁶ См. van Groningen, *ad loc.*, стр. 133.

¹⁷ О противоречиях у Феогнида см. Вовга, *ук. соч.*, стр. 157 сл.

лением высоких и низменных качеств от рождения. Социальный ранг человека и моральную его оценку он в духе аристократической этики обозначает одним и тем же словом.

Однако жизненный опыт давал себя знать. Неожиданно для нас поэт соглашается признать за некоторыми «дурными» способность быть «мудрыми» — σοφοί (682). Надо думать, однако, что гораздо большее значение для эволюции взглядов поэта имели его наблюдения над «добрыми», ἀγαθοί. Они, как оказалось, не были бесспорными и постоянными носителями высоких качеств. Невозможно, по мнению поэта, сделать неразумного человека разумным, дурного — честным, если бы в человека можно было бы вложить образ мыслей, то никогда от доброго отца не происходил бы дурной сын — οὐλοῦτ' ἂν ἐξ ἀγαθοῦ πατὴρ ἐγενετο κακός (436); путем поучения нельзя дурного сделать добрым. Здесь как будто поэт стоит на точке зрения признания врожденных качеств, не передаваемых по наследству: человека с дурными задатками не исправляли никакие поучения. Эта пессимистическая нота звучит не менее сильно и в других стихах Феогнида. Легче из доброго сделать дурного, нежели из дурного — честного, дурной не поддается уговорам (577—578). Друзья предают поэта (575), а предательство по отношению к друзьям недостойно свободного человека (529—530). Постоянные напоминания знатному юноше о вреде общения с «дурными» показывают, что само по себе рождение в среде «добрых» недостаточно, чтобы предохранить от дурных свойств.

Наиболее отчетливо жизненные наблюдения Феогнида отразились в следующем четверостишии:

Τοὶ κακοὶ οὐ πάντως κακοὶ ἐκ γαστρὸς γεγόνασιν,
ἀλλ' ἀνδράσιν κακοῖς συνθήμενοι φίλῃν
ἔργα τε δειλὸν ἔμαθον καὶ ἔπη δούσημα καὶ ὕβριν,
ἐλπίομενοι κείνους πάντα λέγειν ἔτομα

(305—308)

В первом (305) стихе четвертое слово в Codex Mutinensis, самой старой рукописи стихов Феогнида, читается πάντες, другие рукописи дают πάντως. Мнения издателей разделились: одни (меньшинство) предпочитают чтение Моденского кодекса — πάντες¹⁸, другие — πάντως¹⁹. Приходится считаться с обоими чтениями. То и другое, при всем различии получаемого смысла целого предложения, дают повод к интересным заключениям. Начнем с чтения πάντες: не все дурные родились дурными, но, завязав дружбу с дурными мужами, они научились плохим делам, скверным речам и наглости, думая, что те говорят все надлежащее. Мысль поэта состоит в том, что существуют κακοί, лишь часть которых таковы от рождения, другие же стали дурными от общения с дурными; иначе говоря, не будь влияния дурной среды, они остались бы ἀγαθοί, каковыми, очевидно, были от рождения. Нельзя не вспомнить настоятельных советов поэта молодым аристократам не общаться с дурными. Эти советы и вывод, подсказанный жизненным опытом и прямо выраженный в разбираемом стихотворении, находятся в самой тесной взаимной связи. При чтении πάντως влияние среды остается, но оно ограничивается воздействием на κακοί. Эти последние оказываются дурными от рождения не в полном смысле, не во всех отношениях, но становятся вполне дурными под влиянием общества дурных.

¹⁸ Carrière (1948), Young (1961), van Groningen (1966).

¹⁹ Welcker (1826), Sitzler (1880), Bergk (1882), Buchholz⁵ (1900), Harrison (1902), Diehl (ed. stereotypa 1950), Garzya (1955). Против чтения πάντως, взятого из худших рукописей, возражал N. Festa, Quaestionum Theognidearum specimen, «Studi italiani di filologia classica», I, 1893, стр. 16.

В обоих случаях поэт признавал бы воздействие дурной среды, но в первом случае оно распространялось бы на «добрых» и делало бы их «дурными», а во втором оно содействовало бы окончательному превращению «дурных» в *καχοί* в полном смысле. В пользу первого чтения говорят, кроме древности Моденского кодекса и некоторых палеографических соображений²⁰, еще и многочисленные предостережения Феогнида молодому аристократу держаться подальше от «дурных», а также констатирование дурных качеств у аристократов (предательство, погоня за выгодными браками). Традиционные воззрения вступили в противоречие с жизнью, потребовался корректив, который и был найден в виде пагубного влияния дурной среды.

Будь Феогнид последовательным мыслителем, стремившимся выработать слаженную систему взглядов, мы были вправе искать у него ответа еще на один вопрос: может ли «добрая» среда воздействовать на тех, кто вращается в ней, но родился вне ее? Или (при чтении πάντως) могут ли «дурные», не поддавшие под влияние «дурной» среды, т. е. «дурные» не в полной мере, приблизиться к «добрым», в какой-то мере уподобиться им, если они с ними общались? Вопросы эти, однако, являются праздными. Мысль Феогнида никогда в эту сторону не направлялась. Его интересует только «дурное» влияние «дурной» среды.

Есть в феогнидовском сборнике четверостишие, требующее объяснения в связи с вопросом об отношении поэта к *καχοί*.

χρῆμ' ἔπαθον θανάτου μὲν αἰκέος οὐτι κάκιστον,
τῶν δ' ἄλλων πάντων, Κύρν', ἀνιηρότατον'
σὶ με φίλοι προῦδωκαν. ἐγὼ δ' ἔχθροισι πελασθεῖς
εἰδήςσω καὶ τῶν ὄντων ἔχουσι νόον.

(811—814).

«Я испытал нечто, не хуже позорной смерти, но тягостнее,
Кýρν, всего другого — друзья предали меня; я же, сблизившись
с врагами, узнаю, каков и у них образ мыслей».

В этих стихах крайняя степень разочарования в друзьях, уже знакомый нам мотив измены с их стороны. Эта измена и есть то ужасное, что испытал поэт. Поэт говорит о своем состоянии, что оно все же лучше состояния смерти, но все другие беды в сравнение идти не могут. Дальше — реакция поэта на измену друзей. Готовность сблизиться с врагами, т. е. с теми, против кого поэт боролся всю жизнь, конечно, тоже входит составной частью в то «нечто» (χρῆμα), что испытал поэт. Окончание стихотворения подало повод думать, что Феогнид порвал со своими и перешел (по крайней мере временно) в лагерь врагов²¹. Точный смысл слов Феогнида не допускает такой интерпретации, Причастие πελασθεῖς получает временную окраску от *verbum finitum* εἰδήςσω «я сблизюсь с врагами и узнаю». Аналогичные соединения *participium aoristi* с личной формой глагола в будущем времени, благодаря которой и причастие должно быть отнесено к будущему времени, не очень часто, но все же встречается в греческой литературе. У Платона в «Государстве» читаем — διὸ κατὰ τείνας|ἐρῶ τὸν

²⁰ См. van Groningen, ук. соч., стр. 124: в некоторых видах курсивного письма буква ε часто имеет наклон влево и легко может быть принята за ω.

²¹ Так, P. Saueг, *Parteien und Politiker in Megara und Athen*, Stuttg., 1890, стр. 5. Иначе van Groningen, ук. соч., стр. 312: Феогнид заявляет о своем намерении вступить в контакт с противной партией; дальше комментатор усматривает иронию — поэт будто бы хорошо знает, что он ни с кем сблизиться не будет — так же мало с бывшими врагами, как и с теми, кто его покинул. Действительно ли есть в четверостишии иронический тон? В одном van Groningen прав: у Феогнида нет речи о действительно состоявшемся сближении с врагами.

ἄδικον βίον ἐπαίνων (II, 358D) — «поэтому, напрягшись, скажу, восхваляя несправедливую жизнь». Оба причастия κατὰ τεῖναι и ἐπαίνων говорят о будущем, в зависимости от ἐρῶ. В другом месте у того же автора находим περὶ τοῦ δέοντος σοφώτεροι γενομένοι λήσετε διαφθαρέντες (Gorg. 487D). Предостережение: как бы вы, став чрезмерно мудрыми, незаметно не испортились. Опять причастия аориста γενομένοι и διαφθαρέντες выражают то, что произойдет в будущем — личная форма глагола стоит в будущем времени. В «Богатстве» Аристофана Гермес просит Кариона принять его к себе в дом в качестве жильца; тот спрашивает — ἐπεὶ ἀπολίπων τοὺς θεοὺς ἐνθάδε μενεῖς (1148) — «действительно ты, покинув богов, останешься здесь?». Опять причастие аориста выражает действие предстоящее: «ты покинешь богов и останешься здесь?».

Итак, нет основания думать, что будто Феогнид на самом деле перешел на сторону своих бывших противников. Его намерение имело скорее характер угрозы (кому? возможно, самому себе) со стороны человека, доведенного до крайности.

THEOGNIS AND MEGARA

by A. I. Dovatur

Study of Theognis's lines relating to war and military actions leads the author to conclude that no evidence of his participation in the Megarian civil war is to be found in them. What Aristotle has to say in the «Politics» about political strife and civil war in Megara is difficult to connect with the time of Theognis. Conclusion: though Theognis undoubtedly took an active part in stormy political quarrels, he was neither a contemporary of nor a participant in the civil war. In contrast to the Old Oligarch of Athens, author of the so-called pseudo-Xenophontic «Athenian Politeia», the Megarian poet, when writing on political themes, did not align himself with «the rich» against the demos, but regarded only the aristocrats as his allies, lumping together as «bad people» all layers of the citizenry which did not belong to the nobility. The social ideals championed by Theognis, his call for the restoration of a regime which had long since been outlived and cast aside, were doomed to failure. He could not attract to his side any substantial number of adherents, and towards the end of this life, shorn of possessions and social rank, he found himself isolated. A part of the article is devoted to certain evolutionary tendencies in the poet's views as to the inborn high qualities of some persons and baseness of others: there are indications that these views begin to yield place to a «theory» (which started developing earlier) of the influence of environment.

Э. Д. Фролов

ВЫСТУПЛЕНИЕ И ПРИХОД К ВЛАСТИ ДИОНИСИЯ СТАРШЕГО

В ИСТОРИИ младшей тирании сиракузская тирания занимает особое место — не только в силу своей исторической значимости, но и вследствие того, что о ней, в особенности о первой половине правления Дионисия Старшего (вплоть до 387/6 г. до н. э.), мы располагаем сравнительно полными и надежными материалами, главным образом благодаря Диодору, который в этой части своего труда (в кн. XIII и XIV) опирался по преимуществу на Тимея. Последний, в свою очередь, широко использовал исторические записки Филиста, современника, очевидца и участника событий, связанных с историей второй сиракузской тирании. Изложение Филиста, хотя и политически тенденциозное (он был апологетом тирании), носило прагматический характер. Под пером Тимея, ярого врага тирании, рассказ Филиста подвергся соответствующей переработке, риторическому перекрашиванию, однако прагматическая основа в существенной своей части сохранилась и нашла свое отражение и у позднейшего компилятора Диодора¹. Уникальны, в частности, те 10 страниц тейбнеровского текста Диодора (кн. XIII, гл. 91—96), где рассказывается о приходе к власти Дионисия Старшего. Нигде в другом случае (применительно к позднеклассическому периоду) мы не имеем возможности столь обстоятельно проследить историю установления тирании, как здесь, и каждый раз для восполнения недостающих звеньев мы вынуждены мысленно обращаться к истории Дионисия Старшего, чтобы оттуда почерпнуть необходимые сопоставления и объяснения. Благодаря имеющемуся в нашем распоряжении материалу путь Дионисия к власти оказывается в буквальном смысле слова образцом, и уже это одно достаточно объясняет наш интерес к данному эпизоду древнегреческой истории.

Разумеется, обращаясь к этой теме, мы не можем претендовать на роль первооткрывателей. История младшей тирании в Сиракузах, в частности прихода к власти Дионисия Старшего, неоднократно была предметом внимательного разбора и в общих трудах по истории античной Сицилии и Сиракуз (у Ад. Хольма, Эд. Фримена, Э. Пайса, В. Хюттля, Л. Викерта)² и в трудах по истории Греции (у Эд. Мейера, Ю. Белоха,

¹ Обстоятельный обзор античной традиции о тирании Дионисия Старшего см. теперь в кн.: K. F. Strohecker, *Dionysios I. Gestalt und Geschichte des Tyrannen von Syrakus*, Wiesbaden, 1958, стр. 11—31.

² Ad. Holm, *Geschichte Siziliens im Altertum*, II, Lpz, 1874, стр. 92 слл., 427 слл.; E. A. Freeman, *History of Sicily*, III, Oxf., 1892, стр. 539 слл.; E. Pais, *Storia dell'Italia antica e della Sicilia*, 2-nda ed., II, Torino, 1933, стр. 458 слл.;